

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ДВАДЦАТИЛЕТИЕ И МЭР	9
УНИКАТЫ. ЛИЧНОЕ	16
ВЕРНАКУЛЯРЫ. GENIUS LOCI	41
ФЕНИКС. ВОЗРОЖДЕНИЕ	50
МАССИВЫ МУТАНТЫ	57
ИДЕНТИФИКАТОРЫ. ИНДИВИДУАЛЫ	66
FUNGI. ГРИБЫ	77
ТЕКУЧИЙ ГОРОД	88
О «СТРЕЛКЕ»	93

ОБ АВТОРЕ

Даша Парамонова — архитектор, выпускник и преподаватель Института «Стрелка», директор архитектурного бюро Александра Бродского.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга вызвана к жизни одним из произведений Борхеса. Точнее — смехом, прозвучавшим под влиянием его чтения, смехом, который колеблет все привычки нашего мышления — нашего по эпохе и географии — и сотрясает все координаты и плоскости, упорядочивающие для нас великое разнообразие существ, вследствие чего утрачивается устойчивость и надежность нашего тысячелетнего опыта Тождественного и Иного. В этом произведении цитируется «некая китайская энциклопедия», в которой говорится, что «животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору; б) бальзамированных; в) прирученных; г) молочных поросят; д) сирен; е) сказочных; ж) бродячих собак; з) включенных в настоящую классификацию; и) буйствующих, как в безумии; к) неисчислимых; л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти; м) и прочих; н) только что разбивших кувшин, о) издавек кажущихся мухами». Предел нашего мышления — то есть совершенная невозможность мыслить таким образом — вот что сразу же открывается нашему взору, восхищенному этой таксономией; вот какое экзотическое очарование иного способа мыслить предстает перед нами под покровом аполога.

Мишель Фуко, предисловие к книге « Слова и вещи»

С момента распада СССР прошло больше двадцати лет. Появилась дистанция, позволяющая оценить произошедшие изменения. В то же время есть ощущение, что это «прошлое» каким-то образом все еще продолжается, тянется, влияет на нас и нашу жизнь. Не отпускает. Современное общество, на первый взгляд, имеет мало общего с обществом начала 1990-х. Однако даже формально мы — всего лишь его продолжение.

1990-е принято ругать — «развал страны», утраченные ценности, политические и экономические реформы. Однако я испытываю к этому периоду сильную эмоциональную привязанность. То, что происходило в стране, напрямую коснулось меня и моих близких. То, что происходило с Москвой, случилось с моим домом и с моим районом. Нельзя сказать, что это были мои лучшие годы — было не просто. Но мы выросли вместе.

Моя личная связь с 1990-ми как частью прошлого плохо сочетается с общим мнением о московской архитектуре этого периода. Ее чаще всего откровенно ругают, особенно после ухода мэра Лужкова. Эксперты в области сохранения наследия и архитектурные критики едины: «посредственный дизайн», «физическая оболочка, неспособная прожить больше 50 лет», «отсутствие субъектов сохранения». Иными словами, наследие этого времени, если здесь вообще уместно использовать слово «наследие», обречено на исчезновение. Более того, «показательные» сносы построек лужковской эры должны послужить хорошим уроком для архитекторов — это не должно повториться.

Доказать, что постсоветская архитектура не имеет художественной ценности, вроде бы совсем нетрудно. Она действительно не блещет оригинальностью, не решает социальных проблем и к тому же часто использует недолговечные материалы низкого качества. Но, быть может, эта архитектура требует иных категорий и систем оценки, чем те, с помощью которых мы судим о традиционном архитектурном наследии, и привычные инструменты критика просто не позволяют нам разглядеть в ней нечто более ценное, нежели эстетические качества? Быть может, плодотворнее рассматривать эту архитектуру как уникальное свидетельство яркого, противоречивого и неповторимого момента нашей истории — эпохи крушения крупнейшего социалистического государства и зарождения нового общества?

Идеологическая пустота, возникшая после развала СССР на месте прежних социалистических «ценностей» — «труда, справедливости, равенства», стала быстро заполняться новыми «доходом, собственностью, демократией». Одновременно появилась необходимость построить почти с нуля материальный мир, столь презираемый советской идеологией. Общество принялось превозносить комфорт. Произошел, говоря словами экономиста Александра Аузана, «невиданный в истории скачок от экономики дефицита к обществу потребления».

Транзитный период — переход от одного типа общества к другому — очень сложно зафиксировать: динамика и трансформация — его суть, и ни один конкретный момент его, ни одно свойство не являются окончательными. Возможно, однако, это удастся сделать именно с помощью архитектуры — ведь она способна материализовать динамику и, подобно покадровой

съемке, фиксирует каждый этап изменений. При этом многие явления (я даже не рискну назвать их «объектами»), возникшие в этот период, в процессе своего развития меняются до неузнаваемости. Кроме того, в транзитный период традиции уступают место моде — как только меняется парадигма, породившая ту или иную архитектуру, последняя мгновенно теряет всякую ценность в глазах окружающих. Моя задача — увидеть наследие последних двух десятилетий как бы из будущего, найти то, что будет ценным через много лет, и описать то, что неминуемо исчезнет.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ И МЭР

За небольшой период, всего двадцать лет, в Москве зарождаются и успевают сменить друг друга две разные культуры. Но одно явление остается неизменным — мэр Лужков.

Юрий Лужков сменил Гавриила Попова на посту мэра в 1992 году. После «смутного времени» надо было наводить порядок и строить новую жизнь. Образ градоначальника менялся вместе со страной и Москвой в течение всего периода правления Лужкова. Председатель Мосгорисполкома в советские времена, член КПСС до ее последнего дня, вице-мэр Москвы, мэр-хозяйственник, политик, бизнесмен, изгнанник. Начав с «уборки» города, он переключился на крупномасштабные проекты по возрождению «былой Москвы», какой он ее видел, а затем замахнулся на Россию, но, потерпев неудачу в большой политике, так и остался в пределах своего города, где развернулся как настоящий хозяин. Лужков, можно сказать, любил культуру. Среди его увлечений — театр, музыка, скульптура. Но именно архитектура со временем стала его настоящей страстью. Мэр решительно менял городское пространство, руководствуясь исключительно собственным вкусом. Однако, удивительным образом, его личные пристрастия совпали с коллективным вкусом многих его современников. Принцип «новое лучше старого» и стилизация «под старину» были одинаково почитаемы как городской администрацией, так и горожанами. И неважно, шла ли речь о новой мебели в квартире и замене гипсовых карнизов на полиуретановые, или о реконструкции типа «снос с последующим восстановлением».

Уникальное сочетание административного диктата предыдущей эпохи и новых «коммерческих» приоритетов позволило радикально модифицировать Москву по прихоти одного человека. Высказывания о преимуществе копий перед подлинниками создали Лужкову репутацию невежи, а чужеродные проекты в исторической среде превратили его во врага сторонников сохранения архитектурного наследия.

Лужков был неоднозначной, но, безусловно, яркой фигурой. Представитель первой генерации медийных политиков, политик-celebrity, политик-бизнесмен, политик-популист, он строил свой образ на простых, понятных каждому вещах — кепка, мед, метла. Его доходы, его личная жизнь, его высказывания продолжали обсуждаться даже после его отставки. Он так изменил образ Москвы, что еще не одно поколение историков будет разбираться в том, что произошло. Но главное — он задал вектор развития города на много лет вперед. Персональное участие в проектных решениях сделало Лужкова основателем нового стилистического направления в архитектуре. «Лужковский стиль» — синоним китча, безвкусицы, откровенно коммерческой архитектуры, напоминающий стилизованную декорацию.

Время правления мэра Лужкова делится на два этапа. После распада СССР Россия стремительно меняется вплоть до финансового кризиса 1998 года. В первое десятилетие за образец берется западная модель — демократия, свободный рынок, собственность, приоритет личности. В этот период в архитектуре Москвы воплощаются новые ценности. И хотя количественно в городе строят меньше, чем после 1998 года, именно в это время возникают самые яркие участники развернувшейся впоследствии

дискуссии об архитектуре. Как только в начале 1990-х появляется возможность восполнить стилистические пробелы, возникшие при советской власти, в городе начинают строить все: «конструктивисты», «деконструктивисты», «классики», «постмодернисты» и приверженцы хай-тек. Молодое свободное общество разнообразно, и все в нем имеют право голоса. Появляются новые типы зданий — офисы, банки, многофункциональные жилые комплексы, торговые центры, и каждый оказывается своего рода упражнением в стиле: банк на Пречистенской набережной, «Уникомбанк» в Даевом перулке, «Инфобанк» на проспекте Вернадского, административное здание на Нижней Красносельской и другие.

Уже в первые годы перестройки у городского пространства появились новые функции. Они стали следствием появления новых типов коммерческой деятельности, адаптировавшей город к своим целям. Эта деятельность, в свою очередь, породила различные формы коммерческой архитектуры — от рекламных вывесок до гигантских рынков. Коммерческая архитектура осваивала и захватывала город, подчиняясь законам прибыли и инвестиций. Одним из самых важных явлений, радикально трансформировавших постсоветское городское пространство, стал *коммерческий функционализм*, то есть возможность использовать любой участок как источник дохода. Его возникновение можно связать с Законом об индивидуальной трудовой деятельности, принятым в 1986 году. Будущий мэр Москвы Юрий Лужков на тот момент занимал должность председателя Комиссии по кооперативной деятельности Мосгорисполкома, то есть именно он стоял у истоков «коммерциализации». В это время на улицах

появились первые частные торговцы. А принятый в 1992 году Указ президента РФ «О свободе торговли» превратил буквально каждый квадратный сантиметр города в коммерческий ресурс. Согласно указу, гражданам и предприятиям было разрешено торговать «в любых удобных для них местах, за исключением проезжей части улиц, станций метрополитена и территорий, прилегающих к зданиям государственных органов власти и управления». Коммерческий функционализм изменил город как с точки зрения объемно-планировочных задач, так и эстетически. Не только спроектированные объекты, но и сама ткань города стали подчиняться новым правилам. Именно коммерческий функционализм стал основой оценки эффективности всех архитектурных категорий и тем самым — главным формообразующим фактором в архитектуре последующих лет.

Но мечты о счастливом капиталистическом будущем сменились суровым капиталистическим настоящим. Точкой поворота становится кризис 1998 года — на смену революционной политике приходит тактика стабилизации. Архитектура второго, посткризисного, периода пытается быть более цивилизованной и сдержанной. Финансовые вложения отражают хладнокровность и продуманность решений. Архитектура взрослеет. В отличие от первого периода, когда она была скорее заявлением, высказыванием, провозглашением, во втором это уже воплощение статуса, стабильности, уверенности. Архитектура выходит за Садовое кольцо. Растущему среднему классу необходимо больше жилья — множатся разнообразные расписные панельные серии.

Энергичному бизнес-классу предоставляется «достойный выбор». Это период расцвета девелоперских компаний (по упоминанию в прессе их владельцы опережают эстрадных знаменитостей) и производимых ими жилых комплексов: «Эдельвейс», «Эльдорадо», «Триумф». Заявленное еще в 1990-х взаимодействие с окружающей застройкой становится катализатором особого, адаптированного под местные правила архитектурного постмодернизма, который активно поддерживает мэр Лужков. Часть сносимых памятников архитектуры замещается анонимными объектами, которые в основном выпускают государственные проектные институты. Два самых ярких примера этого процесса — снос и последующее воссоздание магазина «Военторг» (2003) и гостиницы «Москва» (2004). Авторские проекты в это время имеют больше шансов быть реализованными в центре города, если их вписывают в историческую застройку через условную ордерную систему и другие имитирующие классику элементы, изготовленные, как правило, из тонких плит турецкого керамогранита. Другая возможность — использование дорогих нестандартных материалов для отделки сдержанных, подчеркнуто современных объектов. Архитектура становится скромнее, нейтральнее, но не имеет права быть скучной или мрачной. Москва заполняется бесчисленными офисными и торговыми центрами под легкими пижамами вентилируемых фасадов.

УНИКАТЫ. ЛИЧНОЕ

Одним из первых проявлений необратимости изменений в обществе стало провозглашение приоритетов личного над общим. Отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, провозглашение политического плюрализма, «парад суверенитетов» обусловили важные изменения в обществе. Право на личное мнение — вот идеологическая ось первого лужковского десятилетия. Личное — это мотивация любого решения и оправдание его последствий, это символ «современного», «антисоветского», «прогрессивного». Городское пространство, в свою очередь, стало местом демонстрации личного — видения, высказывания, вкуса. Впервые за многие годы был узаконен архитектурный плюрализм. Авторское высказывание больше не удел непризнанных гениев, фантазии «бумажных» архитекторов, а обязательное условие проектирования. Поиск себя, своего стиля — вот главные задачи для архитекторов, которые прежде были вынуждены заниматься типовым строительством. Вместе с демократизацией пришла приватизация, создавшая мир частной собственности. Для архитекторов появились понятия «заказчик», «клиент», «инвестор». Открылся шлюз, за которым оказались тонны личного. Оно хлынуло сначала в квартиры, а потом на улицы, в город. Личное мнение стало обязательным и для нового типа управленца, представляющего собой гибрид руководителя советской эпохи и предприимчивого кооператора. Именно этот тип начал менять город по своему вкусу, но «во имя горожан». Именно к нему обращался Юрий Лужков, говоря о «москowsкой

эстетике». Общественное было вытеснено из градостроительных задач, то есть вне фокуса остались основные связи, на которых держится город, все внимание сместилось на его элементы, точнее, на их выразительность. Даже создание крупных магистралей — МКАД и ТТК — происходило по принципу хоть и масштабного, но локального строительства, их взаимодействие со структурой города прекратилось в тот момент, когда закончилась работа над ограждением. Все это привело к инфраструктурному коллапсу, в котором оказалась Москва к концу 2000-х годов.

В результате в архитектуре главной целью стало создание объектов-индивидов. В них отразилось одно из главных проявлений эпохи — желание быть особенным, иным, сверхиндивидуальным. Уникаты — главное архитектурное направление первого десятилетия после распада СССР.

Уникаты — это объекты, спроектированные, чтобы быть уникальными. Они не решают градостроительных и социальных задач и взаимодействуют с городом через восторженную или негативную реакцию зрителя. Их нельзя оценивать как обычную архитектуру — с точки зрения пропорций элементов, тектоники, общей гармонии. Задача уникатов — не создание гармоничных композиций, а провозглашение принципов индивидуалистического общества. Они призваны как можно громче заявить о своем авторе и/или заказчике.

Триумфальный парад авторских высказываний в городском пространстве привел к тому, что Москва стала городом, забывшим про городские функции. Единственный элемент, который связывал здания с городским пространством, — это подземные автостоянки, укоренившиеся в городской почве. Поверхностное

украшательство пыталось компенсировать отсутствие градостроительных решений, нацеленных на самих горожан. Вместо комфортной городской инфраструктуры — сезонное перекрашивание бордюров во дворах и причудливая подсветка фасадов. Несмотря на марш личного, собственно человек исчез с карты Москвы. Появились автомобили, девелоперы, коммерсанты, но горожан как таковых — не стало. Их присутствие ощущалось только в моменты массовых городских гуляний, инспирированных неоднозначными версиями мутировавших фольклорных образов, источники которых зачастую невозможно угадать. Город, заполненный архитектурными оккупантами, остался один на один с покинутым населением, которое, в свою очередь, начало создавать свои мини-уникаты — интерьеры собственных квартир.

Городское пространство советского времени провозглашало общественную идею, а потому имело масштабные решения. Уникаты как воплощение личного имеют локальный характер, они буквально прорастают в сформировавшейся городской ткани. Термин «точечная застройка» — следствие такого прорастания. Одна из главных черт уникатов — антифункционализм. Их роль в городе сводилась к тому, чтобы при помощи внешней оболочки зафиксировать необратимые изменения. Несмотря на сильный эффект, который эти постройки производили в обществе — прежде всего благодаря своему экзотическому виду, количественно их не так уж много. Мне удалось насчитать около 300 отдельных объектов, что несопоставимо с 80 млн квадратных метров, построенных за это время.

На протяжении лужковского двадцатилетия способы демонстрации личного неоднократно менялись, как меняется мода

в одежде. А поскольку уникаты очень эластичны и реагируют на минимальные изменения, именно они дают возможность увидеть развитие концепции индивидуального в этот период. Здесь можно выделить несколько этапов. Первый связан с реакцией на предыдущие «безликие» советские годы и утверждением новых ценностей. Его расцвет приходится на 1994–1995 годы, когда архитекторы начинают искать и воплощать себя в уже существующих мировых архитектурных стилях, сокращая дистанцию с Западом. Они изобретают, придумывают с нуля некий идеальный мир, не всегда имеющий отношение к реальности. Уникаты активно плодятся в существующих архитектурных стилях — деконструктивизме, модернизме, постконструктивизме и других. Отдельным направлением становится «диалог с историей» — проявление главенствующего в западной архитектуре в конце 1970-х и 1980-х постмодернизма. Этот стиль, подразумевающий авторское, отчасти вольное обращение с уже существующими элементами, основанный на иронии, коллажности и контекстуализме, порождает многие выдающиеся уникаты.

Второй этап начинается на рубеже веков, когда расцветает имитация исторических стилей с элементами средового подхода, артикулированного известным теоретиком архитектуры Алексеем Гутновым (1937–1986). Средовой подход основывается на принципах соблюдения сложившихся законов построения города и интеграции в него новых сооружений с учетом исторического контекста. В период строительного бума именно этот принцип стал оправданием для массового новостроя в центре Москвы. В это время в общественной жизни происходит постепенное

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru